

УДК 14:316.77(091)(045)

*И.В. Журбина***КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ
В КОНТЕКСТЕ «ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА»**

В статье автор обращается к аристотелевской концепции видов общения: семья, селение, государство. Концепция Аристотеля рассматривается через род, вид и индивидуальные различия общения. Показано, что иерархия видов общения задается крайними точками: речью и мышлением. Речь представляется родовым началом человеческого общения. Мышление (*λόγος*) рассматривается как активная форма, действующее начало человеческого общения. В аристотелевской иерархии видов «нижний» уровень представлен общением в семье и селении: сущность его определяется речью. Общение в семье и селении воспитывает навык рассудительности как житейской мудрости. «Верхний» уровень представлен политическим общением, индивидуальные особенности которого определяются формой мысли, то есть одним из способов убеждения. Раскрывается смысл политической дружбы как единомыслия, позволяющего гражданам, входящим в круг политического общения, достигать согласия между собой и действовать сообща на пользу всех. В статье рассматривается видовое отличие политического общения, определяемого конкретным сочетанием формы мышления как способа убеждения с одним из трех родов риторической речи: совещательной, судебной и эпидейктической. Основной акцент делается на роде совещательной речи, наиболее полно отвечающей задачам обсуждения государственных дел и принятия решений. В аспекте политического общения раскрывается отношение между политикой и философией как сферой чистого мышления. Устанавливается, что наилучшее политическое общение такое, в котором правители не посягают на свободу мысли и свободу философствования. Свобода мышления становится гарантом достижения блага, справедливости и равенства в государстве.

Ключевые слова: общение, «κοινωνία», политическое общение, мышление, рассудительность, единомыслие, убеждение, род речи, совещательная речь.

DOI: 10.35634/2412-9550-2020-30-1-11-20

В современной социальной философии и истории философской мысли исследовательский интерес к теме политического общения Аристотеля (А.М. Агальцев [1], Р.Г. Апресян [3], М.А. Богатов [13], В.И. Гладышев [16], Р.С. Платонов [20] и др.) можно объяснить «лингвистическим поворотом» (Р. Рорти), возвращающим нас к пониманию того, что «политика делается словами» (Г. Бёлль [12]). В античном полисе слово обладало божественной силой, позволяющей достигать согласие (*homonoia*) и порождать раздор (*eris*) между людьми [15. С. 68]. «Лингвистический поворот» позволяет прочитывать концепцию политического общения Аристотеля в аспекте языка как речевой деятельности и мышления, демонстрирующего степень осознанности общения. Интерпретация философской традиции открывает возможность использовать философско-герменевтический метод исследования. В «герменевтическом круге понимания» (М. Хайдеггер) концепция видов общения Аристотеля (Политика) может быть прочитана через его учения о формах мышления, изложенное в «Никомаховой этике», и родах речи (Риторика). «Никомахова этика» и «Риторика», наряду с трактатом «Политика», составляют корпус собственно политических работ Аристотеля (Х. Арентс [5. С. 158]).

Трактат «Политика» (*Та Πολιτικά*) Аристотель начинает с основополагающего определения государства как сферы политического общения (*κοινωνία*). «Общение и называется государством или общением политическим» [6, 1252a-5. С. 22]. В древнегреческом языке слово «κοινωνία» (*койнония*), обозначающее общение, является одним из самых неопределенных понятий, имеющих широкий круг значений. С древнегреческого языка «κοινωνία» переводится как *сообщество, соучастие, связь и соотношение*. Этимологически близким «κοινωνία» выступает слово «κοινωνήμα», которым в древнегреческом языке обозначаются как сообщество, так и общение [15. С. 718]. В философии Платона понятие «κοινωνία» используется в широком смысле слова: им называется, с одной стороны, общность людей (семья и общество в целом); с другой, общность между людьми и богами. Если понятие «κοινωνία» в значении человеческой общности раскрывается в философии Аристотеля (Р.С. Платонов [20]), то общение человека с Богом получает дальнейшую трактовку в средневековой философии (М. Дементьев [17]). Аристотелевское *κοινωνία* исследователи трактуют как общность, основанную на соглашении (обещание, договор), но тогда получается, что такая общность устанавливается по-

средством языка и/или речи как ее основы. В трактате «Политика» Аристотеля «κοινωνία» переводится С.А. Жебелевым не просто как *общность*, но именно как *общение* [6, 1252а. С. 22], что в полной мере согласуется со следующей частью трактата: рассуждением Аристотеля о речи [6, 1253а. С. 25]. Обращаясь к различным переводам слова «κοινωνία», Р. С. Платонов подчеркивает, что оно используется Аристотелем «для выражения любого позитивного социального взаимодействия <...> Именно это “общее” дает человеку быть *общительным* (ὄμιλητικός)» [20. С. 123].

Стремление к общению обусловлено общей природой человека. Аристотель исходил из того, что человеческое взаимоотношение устанавливается в первую очередь посредством речей [8, 1128b-5. С. 129]. Речь (λόγος), по Аристотелю, – это природное начало общения, характерное для всего рода человеческого, ибо «только человек из всех живых существ одарен речью» [6, 1253а-5. С. 25]. В философии Аристотеля речь выступает материальным субстратом общения. Если голос является природным свойством всех живых существ, способных издавать те или иные звуки: визг, вой, писк, рев, – которыми выражаются удовольствие и страдание, печаль и радость, ярость или одобрение, то речь – это родовая особенность именно человека. Она не только отличает человека от животного, но и демонстрирует сущность человека как разумного существа, наделенного способностью рассуждать, а значит, мыслить и понимать: «только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость» [6, 1253а-10. С. 25]. Речь как материальный субстрат представляет собой пассивное, принимающее начало, являясь чистой возможностью общения. Относительно «нижнего» предела общение представляет собой содержание, лишенное какой-либо формы. Здесь речь присутствует как произнесение членораздельных звуков: «артикулированное оглашение мысли посредством орудий речи» [21. С. 266].

В древнегреческом языке понятие «λόγος» обозначает одновременно слово/речь и мышление/разум/ум. *Мышление* (λόγος) является активной формой, действующим началом человеческого общения. *Форма* же демонстрирует степень осмысленности общения. Активность ее определяется относительно «нижнего» предела или материального субстрата. В общении соединение *речи* и *форм мышления* позволяет определить род, вид и индивидуальные или видовые отличия общения. Определенность общения по виду рассматривается через отношение к мышлению, которое выражается в формах *аргументации*, то есть в словесном выражении и обосновании мысли. Посредством вида можно определить активность или степень совершенства человеческого общения. Видовое отличие характеризует индивидуальные особенности общения, то есть индивидуальное сочетание рода речи и форм мышления.

Общение формирует круговой процесс, позволяя говорить о круге общения, объединяющим центром которого выступает речь. «Именно взаимодействие разных уровней коммуникации порождает такой круговой (от рода к индивиду и обратно) процесс единения (κοινωνία), в ходе которого вырабатывается всё, что относится к именно человеческому» [20. С. 181]. Речь как процесс говорения «закрывает» общение в границах слов. В древнегреческом языке ограничение и определение обозначаются понятием «ὀρίσιμος», которое на латынь переводится как дефиниция (definitio) [14. С. 900]. Понятийным аналогом круга общения у Аристотеля выступает *хор* (от др.-греч. χορός – толпа), под которым понимается не только совокупность лиц, совместно поющих, но и созвучие их голосов. Изменение характера общения изменяет звучание голосов и общую тональность речи: «ведь различаем же мы хоры – хор в комедии, хор в трагедии, хотя часто тот и другой хор состоит из одних и тех же людей. Точно также мы называем иным всякого рода общение и соединение, если изменяется его характер» [6, 1276b-5. С. 95].

Первым видом общения, удовлетворяющим природное и/или естественное стремление к социальному взаимодействию, а значит, свойственное всему роду человеческому, является семья. В семье круг общения объединяет неравные части: *разумное* начало, олицетворением которого является муж/господин/отец, и начало *неразумное*, к которому Аристотель относит жену, раба и детей. Первый круг общения базируется на естественных началах, где естественным считается способность мужа/господина/отца принимать решения. «Рабу вообще не свойственна способность решать, женщине она свойственна, но лишена действенности, ребенку также свойственна, но находится в неразвитом состоянии» [6, 1260а-10. С. 46].

Общение между мужчиной (мужем) и женщиной (женой) организуется в целях продолжения рода, то есть «зависит от естественного стремления, свойственного и остальным живым существам и растениям» [6, 1252а-25. С. 23]. Участие женщины в общении сводится к молчаливому согласию с

теми решениями, которые принимает муж/мужчина. Аристотель приводит слова поэта: «убором женщине молчание служит» [6, 1260a-25. С. 46]. Общение господина и раба основывается на способности раба понимать приказания, но сам раб «рассудком не обладает» [6, 1254b-20. С. 29]. При этом Аристотель отмечает, что раб «живет в постоянном общении со своим господином» [6, 1260a-40. С. 47]. В данном случае приказ – это повелевающее слово господина, инициирующее действие раба. Это значит, что степень разумности приказа не подлежит обсуждению.

Общение в семье разворачивается в границах хозяйственной деятельности, направленной на увеличение средств жизни, демонстрирующих материальный уровень достатка, или *благополучие* семьи. «Общение, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей, есть семья» [6, 1252b-10. С. 23]. В семье общение развивает внутреннюю способность мужа/господина/отца к рассудительности (φρόνησις). В концепции Аристотеля рассудительность (φρονесис) аналогична здравомыслию и/или житейской мудрости, которая формирует привычку или навык рассуждать в основном о мере собственности, необходимой для благополучной жизни семьи. «Рассудительность же связана с человеческими делами и с тем, о чем можно принимать решение; мы утверждаем, что дело рассудительного – это прежде всего разумно принимать решения» [8, 1141b-5. С. 166].

Стремление семьи к материальному благополучию как цели жизни может создать избыток материальных благ. Использование избытка материальных благ для различного рода телесных удовольствий и физических наслаждений должно, по Аристотелю, ограничиваться рассудительностью, которая контролирует низменные потребности человека: инстинкты, чувства, побуждения. Воздержанность от телесных удовольствий и физических наслаждений основывается на понимании того, что они противоречат самой *природе* человеческой жизни. В первом круге общения здравомыслие и/или практический ум формирует представление о мере, которая должна проявляться в сфере домохозяйства, ограниченной вопросами приобретения, пользования и управления имуществом. Здесь благом является умеренная жизнь, тождественная жизни рассудительной. Семьи между собой различаются не столько материальными благами, сколько степенью рассудительности, то есть способностью осознавать меру материального благополучия и тем самым избегать крайностей: избытка и нехватки средств жизни. В данном случае нехватка средств жизни, то есть низкий уровень материального благополучия семьи так же, как и его избыток, свидетельствует об отсутствии рассудительности у членов семьи. «Избыток (hyperbolē) и недостаток (elleipsis) губительны для благоразумия» [8, 1104a-25. С. 66].

Вторым видом общения является селение, в котором общение организуется между несколькими семьями: «Общение, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, – селение» [6, 1252b-15. С. 24]. Здесь общение направлено на обеспечение долговременных потребностей жизни нескольких семей. Аристотель объясняет расширение круга общения экономическими причинами. Общение в селении разворачивается, во-первых, по вопросам торговых договоров; во-вторых, соглашений, касающихся ввоза и вывоза товаров; в-третьих, договоров, способных предотвратить взаимные недоразумения. Такое общение формирует умение семей обсуждать и достигать согласия между собой в вопросах торговой деятельности, а также – военных конфликтов. Умение селения вести торговые переговоры и договариваться о заключении оборонительных союзов определяет степень рассудительности лучших представителей семей, входящих в круг общения. В процессе ведения переговоров житейская/практическая мудрость заключается в предотвращении недоразумений, ведущих к распре.

Общение в семье и селении являются до-политическими видами, воспитывающими привычку, или навык рассудительности как житейской, так и практической мудрости. *До-политическое* общение совершается в круговороте биологической жизни, ограниченной природно-естественными потребностями совместного общежития членов семьи и селения. Общение в семье и селении может характеризоваться речью как природным, или родовым, признаком человеческого существования. В данном случае речь представляет собой в основном произнесение членораздельных звуков, свидетельствующих о деятельности органов речи «полости рта, губ, “зубной преграды”, языка, гортани» [21. С. 260]. Такое общение включает в себя не только процесс говорения, но также и молчание.

Политическое общение – это третий, завершающий иерархию вид, который организуется не ради совместного общежития, а ради благой жизни: «благо есть то, что соответствует указаниям разума» [10, 1362a-20. С. 33]. Третий вид возникает в результате естественного расширения круга общения. «Всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их» [6, 1252b-30. С. 24]. Поскольку государство существует по своей природе,

то и человек является существом политическим. Предикат «политический» относится к человеку, который может вести не только ограниченную «жизнь ради удовольствий» ($\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma \acute{\alpha}\lambda\omicron\lambda\upsilon\sigma\tau\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$), но и жить политической жизнью ($\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma \text{πολιτικός}$), которую Аристотель называет «жизнью ради славы и почета». Суть « $\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma \text{πολιτικός}$ » заключается в участии граждан в обсуждении государственных дел и в принятии решений.

Государство Аристотеля состоит из множества разных и неравных частей, различающих между собой по уровням происхождения семей (знатные/незнатные), достатка, а также по размерам принадлежащей им собственности (богатые/средний достаток/бедные) и по роду занятия. По роду занятия все граждане разделяются на земледельцев, производящих продукты питания; ремесленников; торговцев, поденщиков военных, граждан, занимающих судебные и государственные должности: «государство <...> имеет не одну, а многие составные части» [6, 1291a. С. 139]. Принцип множественности Аристотеля проявляется в видовых особенностях политического общения, организуемого разными способами: «между частями государства существует многообразное общение» [6, 1325b-25. С. 241]. Это значит, что в античном полисе, согласно Аристотелю, существовала ни одна политика, а было множество политик. Обращаясь к названию трактата Аристотеля, Б. Кассен отмечает, что в греческом оригинале написано не «Политика» (*Politeia*), а «Политики» (*Politikón*) [18. С. 114].

Связующей силой политического общения, возникающего между разными и неравными частями государства, была *дружба*. В контексте политического общения *дружба* рассматривается Аристотелем как единомыслие ($\acute{\omicron}\mu\acute{\nu}\omicron\nu\omicron\iota\alpha$): «единомыслие есть политическая дружба» [9. С. 267]. Это позволяет гражданам, входящим в круг политического общения, достигать согласия между собой и действовать сообща на пользу всех. «Говорят о единомыслии в государствах, когда граждане согласны между собой ($\text{homogn}\acute{\omicron}\mu\omicron\nu\omicron\delta\text{si}$) относительно того, что им нужно, и отдают предпочтение (proairontai) одним и тем же вещам и делают ($\text{pratt}\acute{\omicron}\text{si}$) то, что приняли сообща» [8, 1167a-25. С. 239].

В политическом общении рассудительность достигает своей наивысшей формы, требующей знания. «Рассудительность в делах государства (*politikē phronēsis*) [бывает двух видов]: одна как управляющая представляет собой законодательную [науку], другая как имеющая дело с частными [вопросами] носит общее название государственной науки, причем она предполагает поступки и принятие решений» [8, 1141b-25. С. 166]. Видовое отличие политического общения определяется конкретным сочетанием формы мышления, то есть способа убеждения, с одним из трех родов речи: совещательной, судебной и эпидейктической. Мысль, выраженная словом, предполагает владение искусством использования слов, делающих мысль убедительной. По своей природе политическое общение – искусство ($\tau\acute{\epsilon}\chi\eta$), базирующееся на знании способов убеждения и техники построения политической речи. Соединение мышления и речи Аристотель называет *риторикой*. «К [области] мысли относится всё, что должно быть достигнуто словом; части же этой задачи – доказывать и опровергать, возбуждать страсти (такие, как сострадание, страх, гнев и тому подобные), а также возвеличивать и умалять» [7, 1456a-35–1456b. С. 312]. Искусство риторики существует, согласно Аристотелю, для вынесения решения [10, 1377b-20. С. 71]. Принятие решения является сознательным выбором, который сопряжен с [рас]суждением и [раз]мышлением [8, 1112a-15. С. 87].

В риторике способ убеждения содержит в себе систему доказательств. «Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или другого настроения слушателя, третьи – от самой речи» [10, 1356-а. С. 19]. Способ убеждения, определяемый природой оратора, базируется на его нравственных качествах, высшее из которых – рассудительность, демонстрируемая им в политической речи. Убеждение, определяемое природой слушателей, учитывает их способность понимать разумность приводимых оратором доводов в пользу того или иного решения. Убеждения, определяемые природой речи, зависят от формы риторической аргументации – *пример* и *энтимема*. В политическом общении среди трех родов риторических речей приоритет принадлежит речи совещательной, наиболее полно отвечающей задачам обсуждения государственных дел и принятия решений. Если судебная речь может быть обвиняющей или оправдывающей, а эпидейктическая речь хвалящей или порицающей, то совещательная речь является убеждающей и разубеждающей. Суть совещательной речи заключается в том, что оратор должен уметь склонять или отклонять: «у человека, дающего совет, цель – польза и вред: один дает совет, побуждая к лучшему, другой отговаривает, отклоняя от худшего» [10, 1358b-20. С. 25].

Необходимость в совещательной речи возникает всякий раз, когда присутствует возможность «двоякого решения» при обсуждении вопросов. «Вопросом же является то, относительно чего спорят

и о чем совещаются» [10, 1391b-15. С. 101]. В совещательных речах самыми обсуждаемыми являются вопросы финансов, войны и мира, защиты страны, ввоза и вывоза продуктов, законодательства и т. д. Совещаются не о конечной цели, но всегда о средствах, ведущих к цели. Убедительность совещательного оратора непосредственно зависит от уровня его знания. Советы относительно финансов должны основываться на знании статей государственных доходов и расходов; в вопросах войны и мира необходимо знать силу государства, а также следует знать военные силы противников и быть знакомым со способами обороны страны; в вопросах продовольствия страны необходимо знать какое потребление достаточно для государства и каковы продукты, производимые страной и ввозимые в нее. Знание позволяет использовать в совещательной речи примеры как свидетельства, доказывающие разумность совета. Примеры, согласно Аристотелю, «наиболее подходят к речам совещательным, потому что мы производим суждения о будущем, делая предположения на основании прошедшего» [10, 1368a-25-30. С. 47].

Круг политического общения может формироваться разными способами в зависимости от того, кому принадлежит право принимать решение и/или кто имеет решающий голос: «речи употребляются ради решения (ибо для того, что мы знаем и относительно чего приняли известное решение, не нужно никаких речей), а это бывает в том случае, когда кто-нибудь с помощью речи склоняет или отклоняет какое-нибудь отдельное лицо, как, например, делают люди, уговаривая и убеждая» [10, 1391b-5-10. С. 101]. Единомысленники могут объединяться вокруг одного, немногих и большинства, поскольку «в политических прениях есть один настоящий судья» [10, 1391b-15. С. 101].

Политическое общение, организованное вокруг одного, является монархией (*μοναρχία*). В древнегреческом языке «*μονός*» означает единицу, нечто простое и неделимое, а «*ἀρχή*» имеет два значения: во-первых, «исток», «начало»; во-вторых, «повеление» и «приказ». Обращаясь к этимологии термина *ἀρχή* и/или *arche*, Дж. Агамбен отмечает, что «из идеи истока вытекает идея повеления; что из факта “быть первым, делая нечто” проистекает идея “быть во главе”. И наоборот, что тот, кто повелевает, является также и первым, что здесь в начале было повеление» [2. С. 23]. Монархом становится тот, кто возвышается над другими своей рассудительностью и в связи с этим наделяется правом принимать решения и судить: «рассудительность – вот единственная отличительная добродетель правителя» [6, 1277b-25. С. 98]. Круг политического общения ограничивается друзьями монарха, которые сходятся вместе для того, чтобы давать хорошие советы. «Если это не друзья монарха, они не станут поступать согласно с его предначертаниями, а если они друзья монарха и его власти, [то будут так поступать]; ведь дружба неизбежно предполагает совершенное равенство, так что если монарх предполагает, что такие друзья должны разделять его власть, он допускает вместе с тем, что и власть должна быть равной между равными и подобными» [6, 1287b-30. С. 129]. Разумность монарха проявляется в его умении прислушиваться к суждениям своих друзей и выбирать лучший из предложенных советов. Лучшим из советов является тот, который идет на пользу подданных, то есть на благо всех. Решения монарха, принимаемые в пользу подданных, приносят монарху почет и славу. Почет служит признаком хорошей репутации. Наибольшим почетом пользуются правители справедливые. Согласно Аристотелю лучшей из монархий становится та, в которой правитель, принимая решения, опирается на закон, олицетворяющий собой «свободный от безотчетных позывов разум» [6, 1287a-30. С. 127]. Именно закон позволяет монарху «управлять, руководствуясь наиболее справедливым суждением» [6, 1287a-25. С. 127].

В концепции Аристотеля пределом разумного начала в общении, организованного вокруг одного, является тирания. «Тирания <...> есть деспотическая монархия в области политического общения» [6, 1279b-15. С. 104]. При тирании в политическом общении господствует дух разногласия, превращающий друзей в противников, каждый из которых стремится к единовластию. «Следует возбуждать среди граждан взаимную вражду и сталкивать друзей с друзьями, простой народ со знатными, богатых с людьми из их же среды» [6, 1313b-15С. 206]. Круг политического общения ограничивается угодниками, потакающими страстям тиранна, льстецами, восхваляющими тиранна, чтобы доставить ему удовольствие, а также соглядатаями и «подслушивателями», которые доносят тиранну о том, что говорит народ. «Тираны рады, когда им льстят, а этого не станет делать ни один свободный человек, обладающий разумом» [6, 1314a. С. 207]. Описание политического общения при тирании базируется больше на возможностях органов чувств – слуха (подслушивание) и зрения (подглядывание), чем мыслительных способностях тех, кто составляет круг общения тирана. Возможности речи ограничиваются демагогией. Использование демагогических приемов в политическом общении позволяет внушить как неумищим,

так и состоятельным, «что их благополучие опирается на власть тиранна» [6, 1315a-30. С. 210]. При тирании, считает Аристотель, «подданные отвыкают свободно обмениваться мыслями» [6, 1313b-15. С. 206]. Поскольку при тирании рассудок безмолвствует, постольку и свои решения правитель принимает под воздействием аффектов и страстей души: жажды наживы, гнева, страха, злобы и т. д. Страсть приносит в политическое общение людей животное начало.

Увеличение круга общения является признаком аристократии, при которой правит род, возвышающийся над остальными не только своим благородным происхождением и богатством, но и своей образованностью, что равнозначно тому, что этот род обладает нравственными качествами, высшее из которых – рассудительность. «Аристократией по справедливости можно признавать только тот вид государственного устройства, когда управляют мужи, безусловно наилучшие с точки зрения добродетели» [6, 1293b. С. 147]. В древнегреческом языке понятие «аристо-кратία» сочетает в себе слово «ἀρίστευς», имеющее значение «лучший, отличнейший, храбрейший», и «кратос», означающее «сила, власть и могущество». Цель политического общения при аристократии – воспитание и законность.

При аристократии входить в круг политического общения становится почетным правом людей, отличающихся своими достоинствами: образованностью, рассудительностью и мужеством. Выбор достойных и наделение их правом законосовещательного и решающего голоса является здесь видо-вым отличием политического общения. Совет, объединяющий достойных граждан, правомочен решать вопросы войны и мира, заключения и расторжения союзов, избрания должностных лиц, обсуждение отчетов. Участие народного собрания в политическом общении представляется не только через совещательный голос, когда оно «выслушивает постановления», но и решающий голос, когда члены народного собрания имеют право обсуждать постановления «и каждый желающий может говорить против выносимых предложений» [6, 1273a-10. С. 84]. Способность принимать разумные решения увеличивает почести государственных мужей.

Предел аристократического вида политического общения – олигархия (от др.-греч. ὀλιγαρχία – правление немногих: ὀλίγος – малый, краткий; ἀρχή – начало, власть). Олигархией Аристотель называл такой строй, «при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство» [6, 1290b-15. С. 138]. Целью политического общения при олигархии является богатство, увеличение которого считается высшим благом. Здесь вхождение в круг политического общения ограничивается высоким имущественным цензом. Политическое общение образует замкнутый на самом себе порочный круг рассуждений, в котором решения принимают богатые в пользу сохранения и/или увеличения собственного богатства. Сохранение порочного круга рассуждений способствует тому, что в общении используются политические софизмы, которые «составляются для обмана народной массы» [6, 1308a. С. 190]. В политическом кругу общения софист, то есть тот, кто ищет корысти, от мнимой мудрости [11, 165a. С. 537], становится его неотъемлемой частью. Если в описании политического общения при тирании Аристотель говорит о возможностях органов чувств – зрения (подглядывание), слуха (подслушивание), то при олигархии он обращается к софизмам как логически неправильным рассуждениям, которые используются при общении, замыкая его в круг логических ошибок. Использование софизмов в политическом общении делает невозможным отделить «кажущееся правдоподобным» от того, что является «действительно правдоподобным». Аристотель выделяет пять целей, которые может преследовать говорящий: «они намерены создать видимость того, что они опровергают; второе – показать, [что собеседник говорит] неправду; третье – привести его к тому, что не согласуется с общепринятым; четвертое – заставить его делать погрешности в речи, т. е. своими доводами заставить отвечающего говорить неправильно подобно чужестранцу; наконец, заставить его говорить часто одно и то же» [11, 165b-15-20. С. 537]. Говорящий, используя возможности речи – несоответствие синтаксических и семантических структур языка, ложное умозаключение начинает выдавать за правильное.

Аристотель выделяет софизмы, построенные на оборотах речи, к которым относятся одноименность слов (омонимия), многозначность слов (полисемия), соединение, разъединение, ударение в словах или произношение и форма выражения, а также он выделяет семь типов напрямую независимых от словесных выражений – опровержение от сказанного, от привходящего, от изъяна в определении, от следования, от незнания сути опровержения, от принятия, положенного в начале, от сведения многих вопросов к одному. Подчеркивая условность данного разделения, Аристотель признает, что многие софизмы базируются именно на речевых приемах, которые использует говорящий. Аристотель показывает, что опираясь на одноименность разных вещей, говорящий получает возможность

использовать многозначность слова, его принципиальную несводимость к какому-либо одному установленному значению. Использование одноименных слов придает речи многозначность. Обращаясь к слову «*manthanausis*», которое, с одной стороны, означает «понимать, применяя знания», а с другой стороны, «приобретать знание», Аристотель показывает двусмысленность высказывания: «те, кто знает, *manthanausis* (учатся), ведь учителя грамоты *manthanausis* (понимают), излагая устно свои знания» [11, 165b-30. С. 538]. В результате произвольного использования порядка слов появляются двусмысленные предложения: «если *знает* это, то знает ли *это?*», которое может означать, что кто-то знает это и что само это знает. В высказывании «говорит ли молчащий (*sigonta legein*)?», само *sigonta legein* означает двоякое: что говорящий молчит и молчит то, о чем он говорит [11, 166a-10. С. 539]. Используя соединение, говорящий получает синтаксически правильные, но семантически бессмысленные словосочетания, на которых основываются такие софистические доводы, как, например, «сидящий способен ходить» / «не пишущий писать» [11, 166a-25. С. 539]. Вводя в высказывание разъединение (*diareisis*), говорящий демонстрирует двусмысленность сочинительного союза «и», используемого для связывания слов. Это говорит о том, что не всегда одна и та же речь, будучи разъединенной, имеет то же значение, когда она соединена, например, выражение «*egos'etheka doylon ont' eleytheron*» – «Я сделал тебя, раба, свободным» / «Я сделал тебя, свободного рабом» / «Я сделал тебя свободным рабом» или «*pentekont andron hekaton lipe dios Achilleys*» – «Славный Ахилл оставил (на поле боя) пятьдесят мужей из ста» / «Славный Ахилл оставил (на поле боя) сто мужей из пятидесяти» [11, 166a-35. С. 539].

Опровержения от ударения или произношения (*prosodia*) способны изменить смысл речи. Доводы, основанные на оборотах речи, базируются на изменении грамматических форм слова, когда мужской род предьявляется как женский, а женский – как мужской или средний род; качество перевода в количество, а количество – в качество; или действующее – как претерпевающее, а состояние как действие и т. д. Из-за сходства выражений достаточно трудно разобрать, что говорится в одинаковом смысле, а что в разном. «Ведь то, что не принадлежит к действиям, – пишет Аристотель, – можно в речи обозначать как действия: например, по форме выражения “здоровствоваться” (*hygiainein*) одинаково с “резать” или “строить”, хотя первое указывает на некоторое качество и состояние, а последнее – на какое-то действие» [11, 166b-15. С. 540]. Среди софизмов, независимых от словесных выражений, наиболее популярны рассуждения, во-первых, построенные на неправомерном распространении общего правила на частный случай, который это правило не предусматривает; во-вторых, рассуждения, построенные на произвольно выбранных, выгодных для говорящего альтернативах, с помощью которых можно доказывать что угодно. Сохранение замкнутости круга политического общения проявляет в себя в наследственных олигархиях, когда сын занимает место отца, тем самым как бы продолжая традицию политического общения в замкнутом круге софистических высказываний.

Круг политического общения, в который входит большинство, Аристотель называет *полития* (от др.-греч. *πολιτεία* – государственное устройство). В *политии* имеется смешение двух начал состоятельного и неимущего. В этом смысле *полития* отвечает аристотелевскому требованию умеренности, при которой в круге политического общения объединяющей силой, не позволяющей перейти к крайностям, служат граждане со средним достатком, которым должен принадлежать решающий голос. «Наилучшее государственное общение – то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большом количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности» [6, 1295b-35. С. 154]. Средний достаток признак умеренной жизни. Умеренность свидетельствует о том, что граждане со средним достатком руководствуются и в жизни, и в решении государственных вопросов доводами разума. «Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина – наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ лучше всего. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума» [6, 1295b-5. С. 153]. Принимая решения, средние граждане могут объединяться либо с состоятельными, либо с неимущими, тем самым препятствуя перевесу при голосовании противоположной стороны. В политическом общении граждане, имеющие средний достаток, обеспечивают равновесие сил, препятствующее появлению разногласий, ведущих к распрям, как со стороны бедных, так и богатых.

Пределом политического общения, сформированного вокруг большинства, становится демократия. При демократии круг политического общения объединяет свободнорожденных граждан и неимущих, которые составляют большинство. Отличительным признаком политического общения является то, что здесь ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ. В

политическом общении решающее значение имеют постановления народного собрания. Обсуждение оборачивается произволом демагогов. «Решающее значение будут иметь постановления народного собрания <...> Достигается это через посредство демагогов <...> Народ тогда становится единодержавным» [6, 1292а. С. 142]. Если обратиться к этимологии слова «демагог», то с древнегреческого языка « $\delta\eta\mu\text{-}\alpha\gamma\omega\gamma\acute{o}\varsigma$ » переводится, с одной стороны, как «предводитель народа», с другой стороны, как человек, угрожающий народу и с помощью низких средств пользующийся влиянием на него [14. С. 298]. Демагог управляет мнением народа, возбуждая низменные страсти и аффекты души. Могущество демагога содержится в речи, когда говорить и тем более обсуждать что-либо означает в первую очередь подчинять себе слушающего. «Демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании» [6, 1292а-25. С. 143].

Речь демагога отсылает либо к *доксе*, то есть к тому, «что известно», «совершенно очевидно», «о чем все прекрасно знают» и в чем «никто не сомневается», либо содержит в себе *софизмы* – ложные умозаключения. Речи демагогов отличаются повышенной эмоциональностью, вызывающей у народа ответную реакцию в виде шума, создающегося криками, рукоплесканием, бранью или похвалой. Еще Платон в своем трактате «Государство» рассматривает народное собрание как толпу, а толпу через метафору «огромного и сильного зверя», чьим страстям потакают софисты «как если бы кто-нибудь, ухаживая за огромным и сильным зверем, изучил бы его нрав и желания, знал бы, с какой стороны к нему подойти, каким образом его трогать, в какую пору и отчего он свирепеет или успокаивается, при каких обстоятельствах привык издавать те или иные звуки и какие посторонние звуки укрощают его либо приводят в ярость» [19. С. 873].

Народ, лишенный рассудительности, становится деспотом, а такой демократический строй максимально сближается с тиранией. Именно крайняя демократия и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами, а постановления народа при такой демократии имеют то же значение, что и распоряжения тирана, то есть в них присутствует животное начало – страсть, гнев и злоба. В демократиях остракизм становится решением, посредством которого стремятся установить всеобщее равенство. Равенство достигается через изгнание тех, кто выделяется своим могуществом, опираясь либо на богатство, либо на обилие друзей, или выделяется своими добродетелями: «разве позволит руководитель хора участвовать в хоре кому-нибудь, кто поет громче и красивее всего хора» [6, 1284b-10. С. 119].

Итак, в целом концепция общения Аристотеля выражена иерархией видов: семья, селение, государство. В аристотелевской иерархии общения *крайними точками* являются *речь* и *мышление*. На «нижнем» уровне речи как таковой находится общение в семье и селении, воспитывающее навык рассудительности. Общение в семье и селении лишено конкретной определенности. «Верхний» уровень представлен политическим общением, индивидуальные особенности которого определяются формой мысли, то есть способом убеждения, применяемым в одном из родов риторической речи. Политическое общение разделяется по степени рассудительности на правильные виды, к которым Аристотель относит монархию, аристократию и политику, и неправильные, включающие в себя тиранию, олигархию, демократию. Предел рассудительности в политическом общении связывается с господством чувств над разумом, порождающим страсти – гнев, злобу, зависть, а также использование разума для построения намеренно ложных умозаключений (софизма) и речи, которая превращается в демагогию. В правильных формах политического общения мышление достигает своей высшей формы – практической мудрости (фронесис), суть которой заключается в умении убеждать словами и достигать согласия в государственных вопросах.

Однако совершенной, по Аристотелю, оказывается форма мышления, свободная от любого рода речи как материального субстрата. Такое мышление свойственно философии как умозрительной деятельности. В философии мышление тождественно созерцательной активности, которая существует «сама ради себя», то есть является чистой актуальностью, не имеющей конечной цели и не оставляющей никакого конечного результата, кроме себя самой. «Деятельность ума как созерцательная отличается сосредоточенностью (*σπουδή*) и помимо себя самой не стремится ни к каким целям» [8, 1177b-20. С. 268-269]. Такую высшую форму мышления Аристотель рассматривает как ум (*νοῦς*) или мудрость (*σοφία*). Созерцательная жизнь (*βίος θεωρητικός*) несет в себе нечто от божественной жизни, поскольку превышает возможности человеческой природы. «И если ум в сравнении с человеком божествен, то и жизнь, подчиненная уму, божественна в сравнении с человеческой жизнью» [8,

1177b-30. С. 269]. Человек в силу своей природы никогда не достигнет уровня божественной жизни, но должен стремиться к созерцательной жизни как высшему благу. Свободное от материи чистое мышление является мышлением о мышлении как субстанциальном начале (в категориях метафизики) и высшем благе (в категориях этики).

Созерцательная жизнь является, по своей сути, сверх-политической, то есть философ существует за пределами политического общения. В концепции Аристотеля вопрос полезности философии для политического общения определяется тем, что философия как никакая другая область знания воспитывает человеческий разум. В связи с этим наилучшим политическим общением является такое, при котором правители своими словами и действиями не посягают на свободу мысли. Свобода мышления как свобода философствования становится гарантом достижения блага, справедливости и равенства в государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агальцев А.М. Аристотель о природе общения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1. С. 39-42.
2. Агамбен Дж. Что такое повелевать? М.: ООО Изд-во Грюндриссе, 2013. 72 с.
3. Апресян Р.Г. Проблема Другого в философии Аристотеля // Этическая мысль. 2014. № 14. С. 65-85.
4. Арндт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
5. Арндт Х. Философия и политика // История философии. Вып. 13. М.: ИФ РАН, 2008. С. 153-180.
6. Аристотель. Политика / Пер. с древнегреч. С.А. Жебелева // Аристотель. Политика. М.: АСТ: Астрель, 2012. С. 21-290.
7. Аристотель. Поэтика / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Политика. М.: АСТ: Астрель, 2012. С. 291-326.
8. Аристотель. Никомахова этика / Пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // Аристотель. Этика. М.: АСТ: Астрель, 2011. 492 с.
9. Аристотель. Евдемова этика / Пер. с древнегреч. Т.В. Васильевой, Т.А. Миллер, М.А. Солоповой. М.: ИФ РАН, 2005. 448 с.
10. Аристотель. Риторика / Пер. с древнегреч. Н. Платоновой // Античные риторика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15-164.
11. Аристотель. О софистических опровержениях // Аристотель. Соч. в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 533-593.
12. Бёльль Г. Франкфуртские чтения [Электронный ресурс] // Владимир Бибахин. URL: http://www.bibikhin.ru/frankfurtskie_chneniya (дата обращения: 03.11.2019).
13. Богатов М. А. Речь в полисе // Вестник Самарской государственной академии. Серия Философия. Филология. 2010. № 1 (7). С. 131-140.
14. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Изд. 5-е. СПб., 1899. 1370 с.
15. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 224 с.
16. Гладышев В.И. Философское учение Аристотеля об общении и современность // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 1. С. 52-56.
17. Дементьев М. О понятии *κοινωνία* у Платона, Аристотеля, в Новом завете и у свв. Отцов-каппадокийцев [Электронный ресурс] // XX Сретенские чтения. URL: <https://sf1.ru/science/srietienskiie-chneniia/xx-sretenskie-chneniya/sekcija-bogosloviya-i-filosofii/o-ponyatii-koinwnia-u-platona-aristotelya-v-novom-zavete-i-u-svv-otcov-kappadokijcev.html> (дата обращения 5.11.2019).
18. Кассен Б. Эффект софистики. М.-СПб.: Университетская книга, Культурная инициатива, 2000. 238 с.
19. Платон. Государство, или О справедливости // Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2016. С. 748-970.
20. Платонов Р.С. Коммуникативная интерпретация этики Аристотеля: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Платонов Роман Сергеевич. М., 2018. 281 с.
21. Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 259-272.

Поступила в редакцию 30.01.2020

Журбина Ирина Викторовна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: soloveyiv1@mail.ru

*I.V. Zhurbina***ARISTOTELIAN THEORY OF POLITICAL COMMUNICATION
IN THE CONTEXT OF THE LINGUISTIC TURN**

DOI: 10.35634/2412-9550-2020-30-1-11-20

The paper addresses the Aristotelian theory of the types of communication: family, community and state. The Aristotelian theory is examined through communication type, kind and individual differences. It is shown that the hierarchy of communication types is defined by the two extremes – speech and thinking. Speech is the generic principle of human communication. Thinking (*λόγος*) is viewed as an active form, an active principle of human communication. In the Aristotelian hierarchy, the lower level is represented by communication in the family and community, the essence of which is determined by speech. Communication in the family and community fosters the skill of judgment as worldly wisdom. The upper level is represented by political communication, the individual characteristics of which are determined by the form of thought, i.e. one of the methods of persuasion. The paper describes the meaning of political friendship as unanimity allowing citizens involved in political communication to reach agreement and act together for the benefit of all. The paper discusses the generic difference of political communication, which is determined by a specific combination of the form of thinking, i.e. the method of persuasion, with one of the three kinds of rhetorical speech: deliberative, judicial and epideictic (*epideixis*). The main focus of attention is the deliberative speech that most fully meets the tasks of discussing public affairs and making decisions. The relationship between politics and philosophy as a sphere of pure thinking is described in the context of political communication. It is established that the best political communication is the one in which rulers do not encroach on freedom of thought and freedom of philosophizing. The freedom of thought becomes the guarantor of the achievement of good, justice and equality in the state.

Keywords: communication, *κοινωνία*, political communication, thinking, judgement, unanimity, persuasion, type of speech, deliberative speech.

Received 30.01.2020

Zhurbina I.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: soloveyiv1@mail.ru